

Общение с ним было счастьем

(О моём университетском учителе - профессоре Якове Авадьевиче Бирштейне)

Седьмого апреля этого года исполнилось сто лет со дня рождения Якова Авадьевича Бирштейна (1911-1970) – выдающегося зоолога, и не менее выдающегося университетского профессора («профессора» надо бы написать с большой буквы). К сожалению, он умер, не дожив и до шестидесяти. Но, в памяти знавших Якова Авадьевича, он остаётся живым навсегда. Узкой специальностью Я.А.Бирштейна была карцинология (изучение ракообразных), но круг его интересов был гораздо более широким, охватывающим многие проблемы зоологии и биологии в целом. Его основные работы посвящены пещерной фауне (биоспелеологии), происхождению глубоководной фауны и общим проблемам зоогеографии. Как карцинолог-систематика его интересовали прежде всего равноногие ракообразные – представители отряда Isopoda. Это одна из древнейших групп беспозвоночных, существующая на Земле по крайней мере 300 миллионов лет, и насчитывающая более 5 тыс. ныне живущих видов. Авторитет Якова Авадьевича, как специалиста, был необычайно высок. Недаром в его честь коллегами назван 41 новый вид, а кроме того 3 новых рода разных беспозвоночных животных. Таким списком редко кто может похвастаться. Это знак особого признания заслуг учёного сообществом профессионалов. Биография Я.А.Бирштейна еще не написана. Опубликованных воспоминаний, к сожалению, тоже мало. Пытаюсь записать то, что сохранила память.

Вспоминается 1965 г. Биофак МГУ, комната большого практикума на кафедре зоологии беспозвоночных. Столы для студентов образуют два ряда – один вдоль окон, другой – параллельно ему, посередине комнаты. К центральному ряду справа, как переключатель над буквой Т, приставлен стол для преподавателя. На нём раскрытые книги и отгиски статей. Курс лекций по зоогеографии читает Яков Авадьевич Бирштейн. Он в белоснежном халате (тогда принято было вести занятия в халате), стройный, поджарый, с точёными чертами лица. Во время лекции он порой присаживается на краешек стола, как-то хитро закручивая одну ногу вокруг другой. Хорошо помню эту его позу, казалось бы, неудобную, но для него очень характерную. Ближе к перерыву откуда-то извлекается трубка, кисет, и круглая коробочка с табаком. Продолжая рассказывать, Яков Авадьевич начинает совершать непонятные для непосвященных манипуляции с трубкой. Орудует какими-то железками, набивает трубку табаком, готовит всё к тому, чтобы её раскурить. Мы в свою очередь как замороженные наблюдаем за всеми его движениями, но при этом продолжаем внимательно слушать.

Того, что нам рассказывает Яков Авадьевич, нет ни в каких учебниках. Это есть только у него в голове, ну и отчасти, видимо, во множестве статей и книг, прочитанных им на разных языках. Будучи студентами 5-го курса, мы это уже прекрасно понимаем и стараемся не пропустить ни слова. Кто-то стремится всё записать, кто-то целиком отдается слушанию. Но равнодушных нет – всё рассказываемое Бирштейном почему-то всегда интересно. Сразу замечу, что таких по-настоящему оригинальных, или правильнее сказать – «авторских» курсов, за всё время обучения на биофаке (1960-65 гг.) у нас почти и не было. Из общих дисциплин, пожалуй, только курс цитологии, прочитанный Григорием Иосифовичем Роскиным. Из кафедральных спецкурсов – два курса Бирштейна (помимо «Зоогеографии» ещё «Хозяйственное значение беспозвоночных»), и небольшой цикл лекций по экологической физиологии. Его читал специально приехавший из Минска Георгий Георгиевич Винберг (о нём см.: А.М.Гиляров [Феномен Винберга](#) // «Природа». 2005. № 12). Вот и всё. Остальное как фон. Впрочем, может быть я был слишком нерадивым студентом и что-то важное пропустил. Но даже при всей моей нерадивости, приправленной изрядным скептицизмом, отношение к лекциям Бирштейна было у меня совершенно особым. Его лекции воспринимались как нечто, выпадающее из привычного ряда университетских занятий.

Лекторская манера Якова Авадьевича была предельно простой, напрочь лишенной пафоса, театральности, или каких-либо традиционных ораторских приёмов. Да ему это и не нужно. Его слушают и так. А слушают, потому что нутром ощущают: за простотой формы кроется нечто глубокое, таящее в себе неизвестное и потому не столь уж простое. Иногда Яков Авадьевич по ходу лекции задавал вопросы, на которые не было ответа, и это обстоятельство специально им подчеркивалось. Например, в курсе зоогеографии он рассказывал о работах Л.С.Берга по эволюции рыб и других позвоночных животных, и из этих работ следовало, что для эволюции не хватает времени. Не хватает, если допустить, что эволюция шла с постоянной скоростью – такой же, как в течение последних 500 миллионов лет, для которых у нас есть палеонтологическая летопись.

Не помню, чтобы в каких-то ещё лекционных курсах ставились вопросы, не имеющие ответов. Практически всегда основы той или иной дисциплины излагалась как некий набор фактов и правил, не подлежащих сомнению, как нечто незыблемое, что надо было запомнить, донести до экзамена, а после этого забыть навсегда. Но, у Якова Авадьевича всё было не так. Курс «Хозяйственное значение водных беспозвоночных» казалось бы уже одним названием своим сулил нечто занудное. Однако, прочитанный Бирштейном, он оказывался глубоким, интересным и скорее фундаментальным, чем прикладным. Фактически это был курс количественной экологии, и именно из него мы впервые узнали имя В.С. Ивлева, одного из крупнейших (как это я понял много лет спустя) наших экологов, к сожалению, почти неизвестного широкой публике. Яков Авадьевич был близко знаком с Ивлевым и работы его очень ценил. Он рассказывал нам о количественных характеристиках рациона животных, об индексе избирательности питания, о разных типах конкуренции. Помимо Ивлева, нередко упоминался и А.А.Шорыгин, чьи взгляды на принципы устройства сообществ водных организмов явно опережали свое время.

Во всяких разговорах «за науку» Яков Авадьевич никогда не боялся признать, что чего-нибудь не знает или не понимает.

– А чёрт его знает, почему так!

Такое от него можно было услышать очень часто. Чёрта вообще любил поминать. Об этом совершенно справедливо было написано даже в какой-то статье, посвященной памяти Якова Авадьевича.

Говоря о том, что лекции Бирштейна были лишены театральности, я несколько лукавлю. Театральности, как некой специальной формы поведения, направленной на привлечение внимания публики, не было, а вот природный артистизм был, да еще какой! Сейчас я понимаю, что Яков Авадьевич был чертовски красив, хотя тогда, по молодости этого не сознавал. Образцом мужской красоты считал Якова Авадьевича художник Роберт Рафаилович Фальк. Это говорила вдова художника – Ангелина Васильевна Щекин-Кротова. Она принимала нас, небольшую группу молодежи, в мастерской Фалька в знаменитом «Доме Перцова», памятнике модерна начала XX века, недалеко от Храма Христа-Спасителя (правда тогда, в конце 1960-х, храма не было, а на его месте был общедоступный открытый бассейн для плавания). Ангелина Васильевна училась с Яковом Авадьевичем в одном классе – отсюда и знакомство. А привел нас в мастерскую сын Я.А. Бирштейна – Вадим. Он учился на биофаке на курс младше меня, и у нас было много общих знакомых. Зная, что у Фалька был портрет Якова Авадьевича, мы попросили Ангелину Васильевну его показать. Портрет меня несколько разочаровал. Яков Авадьевич казался не вполне похожим на самого себя. Впрочем, и Вадим считает, что портрет этот, находящийся сейчас в Челябинской областной картинной галерее, не очень удачен.

Не могу не вспомнить еще один эпизод, связанный с привлекательностью Якова Авадьевича. Как-то в перерыве лекции по спецкурсу он просит нас подойти к столу и

посмотреть «картинки». Молодому читателю здесь приходится пояснять, что никаких компьютеров, тем более проекторов, показывающих «презентации», тогда не было. Показ же иллюстраций через эпидиаскоп (громоздкий аппарат, предназначенный для проекции на экран рисунков) требовал абсолютно полного затенения аудитории, да и вообще был делом хлопотным. Для группы в 10 человек, конечно, проще было показать иллюстрации, разложив их на столе или передавая из рук в руки. И вот мы все сгрудились вокруг стола, где лежат раскрытые книги, а Яков Авадьевич в белом халате, торжественный, и уже с трубкой в руке, показывает нам что-то на графиках. И вдруг все так же, не поднимая головы, размеренно и я бы сказал, намеренно занудно, произносит:

– Вы смотрите на меня, а не на картинки. Это возможно делает честь мне, но не способствует усвоению Вами материала.

Недавно историю эту я пересказал своей одногруппнице Наде Залесской. Она посмеялась, хотя и не помнила этого случая, а потом задумалась:

– Слушай, интересно, а кому Яков (между собой мы, конечно, так его называли) это говорил? Несомненно, кому-то из девушек, но их было в группе довольно много и трудно было понять, кто же именно смотрел на Якова Авадьевича вместо того, чтобы разглядывать графики и диаграммы. Полагаю, что практически все девушки в той или иной степени были в него влюблены.

Описывать облик Якова Авадьевича можно, кажется, до бесконечности. Но не могу не сказать о его улыбке. Вообще-то он вовсе не был улыбчивым человеком и по большей части сохранял несколько суровое выражение лица. Людям, мало знавшим Якова Авадьевича, он мог показаться даже угрюмым. Но те, кто имел счастье с ним общаться (а общение с ним было счастьем), прекрасно знали, что за внешней суровостью скрывается необычайная доброта и любовь к людям. И не только к людям, но и к зверям, к растениям, к природе вообще. Когда же Яков Авадьевич радовался и улыбался – совершенно по-особому, глазами, вокруг которых собирались морщинки, то все глядевшие на него, тоже невольно начинали расплываться в улыбке.

Яков Авадьевич был предельно искренним человеком, и своего отношения к окружающему вовсе не скрывал. Понятно, что эта искренность, внутренняя честность, сочетающаяся с глубокой принципиальностью, не раз мешали его карьере. В мрачный период лысенковщины, к которой добавилась еще «борьба с космополитизмом» (а попросту говоря, политика выживания евреев со всех сколько-нибудь значимых должностей), он вынужден был уйти из МГУ (точнее – остаться только на полставки), а основным местом работы выбрать Ярославский пединститут. Ярославцам, конечно, повезло, и Бирштейна там до сих пор помнят и чтят.

Яков Авадьевич никогда не состоял в партии, что, впрочем, было естественным для российского интеллигента, отказывающегося заключать подобный пакт с собственной совестью. А он, безусловно, был представителем настоящей российской интеллигенции – совершенно особой породы людей, к сожалению, полностью исчезнувшей из нашего общества. Всеми силами Яков Авадьевич старался противостоять мракобесию лысенковщины, нанесшей колоссальный урон отечественной биологии. Неудивительно, что он был одним из тех, кто не побоялся подписать знаменитое «Письмо трёхсот» – коллективное послание в ЦК КПСС группы учёных по поводу ненормального положения в биологии, сложившейся в нашей стране из-за официальной поддержки властями Лысенко и его приспешников. Вадим Бирштейн рассказывал, что Президент (кошмарный тип, апологет Лысенко, бывший одно время деканом биофака) прятался от Якова Авадьевича, так как боялся получить от него пощёчину. Подробности истории мне неизвестны, но, видимо, было за что давать пощёчину.

Когда я поступил в аспирантуру, то попросил Якова Авадьевича быть моим руководителем. И он любезно согласился, хотя тема моей диссертации – структура пресноводных планктонных сообществ – вроде бы была далека от непосредственной тематики его исследований. Впрочем, благодаря широкому кругозору и блестящему знанию мировой литературы он мог, по-моему, руководить любой зоологической или экологической работой. Будучи аспирантом Якова Авадьевича, я не раз бывал у него дома. Это была его обычная практика общения с учениками – не на кафедре, а дома, где ничто не мешало и не ограничивало во времени. Непосредственным поводом для разговора, как правило, служил текст куска диссертации, статьи или еще какие-то материалы работы, которые я заранее давал Якову Авадьевичу. Ознакомившись с ними, он назначал мне встречу, в ходе которой не спеша всё и обсуждалось. Я не помню конкретного содержания этих разговоров. Но, что сохранилось в памяти, так это общая атмосфера чрезвычайной доброжелательности и неподдельный интерес Якова Авадьевича ко всему новому, к тому, чего он еще не знал. И годы спустя после его кончины, когда я слышу об очередных, по-настоящему интересных открытиях в области зоологии и экологии, то невольно ловлю себя на мысли – как жалко, что Яков Авадьевич до этого не дожил. Вот бы ему рассказать! Вот кто был бы рад. Мне даже кажется, что я очень живо могу представить себе его реакцию.

Конечно, не только биология интересовала Якова Авадьевича. Он был высокообразованным человеком, свободно ориентирующимся во всей мировой культуре. Много читал художественной литературы, прекрасно разбирался в архитектуре и изобразительном искусстве (чему способствовало и то, что профессиональными художниками были его родной брат Макс Авадьевич и жена брата – Нина Николаевна Ватолина). Кроме того, Яков Авадьевич относился к той, на самом деле немногочисленной когорте людей, которые по-настоящему любят и понимают стихи. Он знал наизусть множество стихов, и не только самых знаменитых поэтов. К сугубо научной книге «Глубоководные равноногие ракообразные (Crustacea, Isopoda) северо-западной части Тихого океана» (М.: Изд-во АН СССР. 1963 г.) он дал эпиграф из Леонида Мартынова:

"Я изучил морское дно.
Оно пустынно и темно.
И по нему объят тоской
Лишь таракан ползет морской"

Если знать, что «морской таракан» – это официальное название крупного морского рачка *Mesidothea*, представителя как раз отряда равноногих (Isopoda), то понимаешь, сколь удачен данный эпиграф. Правда, в академическом издательстве так не считали, и были вовсе не склонны оставлять столь легкомысленный эпиграф к серьезной научной книге, но, в конце концов, Якову Авадьевичу как-то удалось убедить редакторов, и книга вышла с эпиграфом.

Начало лета 1970 года – тяжелейшее время для кафедры зоологии беспозвоночных. В больнице с диагнозами, не оставляющими надежд на выздоровление, лежат заведующий кафедрой академик Лев Александрович Зенкевич и его заместитель, ведущий профессор кафедры Яков Авадьевич Бирштейн. Зенкевич умирает 20-го июня, и об этом решено уже не говорить Якову Авадьевичу. Мне надо было уезжать в экспедицию в Лапландский заповедник. До отъезда видел Якова Авадьевича в последний раз в больнице. Он лежал под капельницей, сильно исхудавший, обросший щетиной. И без того острые черты лица еще обострились. Когда я взглянул на его профиль, то меня поразило сходство с каноническим образом Христа – именно так его изображали на полотнах старых голландских и немецких мастеров. И еще промелькнула мысль – Христос был евреем. До этого я никогда об этом не задумывался.

Уже будучи в заповеднике, получил печальную телеграмму от своих родителей – «Вчера похоронили Якова Авадьевича». Он скончался 8 июля 1970 г. Много лет спустя, в воспоминаниях Ю.С.Селю (врача ветеринара, хорошо знавшего Я.А.Бирштейна) я прочитал, что на панихиде Якова Авадьевича, проходившей в вестибюле Зоологического музея, играла на рояле Мария Вениаминовна Юдина. Когда я это узнал, то почувствовал на душе какое-то успокоение. Хорошо, что так сложилось, что прощание с Учителем было освящено музыкальным гением. А ведь М.В.Юдина была не только великой пианисткой, она была также из тех, в высшей степени благородных и абсолютно бескомпромиссных людей, к которым относился и Яков Авадьевич.

Алексей Гиляров
10 апреля 2011 г.